

*Кроме плетенья словес, ничего не умея толком
(поскольку другие занятия, в общем, херня)...*

Под этими конгениальными строчками готов подписаться и я.

Правда, их автор — литератор Дмитрий Быков, равно как и Юра Шевчук, музыкант, в последнее время увлеклись-таки «другими занятиями». Как-то они избыточно хлопочут перед публикой. Поэтому мне все милее Дина Рубина, у которой, по ее собственному признанию, нет ничего, кроме русского языка и пусть ложного, но ощущения того, что все не зря... Все, что она пишет, не зря. Вот и я все более становлюсь отщепенцем, отщепляю себя от вторичной для меня реальности ради литературы. Хотя бы уже потому, что эта самая реальная жизнь уж слишком коротка, а с возрастом и печальна. Зато литературная может быть чудной и гораздо более долгой.

Кстати, о теме номера «Мечта»: я намедни размечтался не на шутку. Грезил по-настоящему, то есть о несбыточном — о второй жизни. Не верю тем, кто говорит: мол, доведись начать сызнова, прожил бы так же. Я точно не стал бы повторяться. И вообще не жил бы ни дня как нормальные люди. А сразу погрузился бы в текст... Один из героев номера, Сергей Шаргунов, утверждает, что писать он начал прежде, чем говорить и читать: только различил первую букву, как тут же взялся ее срисовывать. Зато каков теперь красавец! Всего тридцать лет, а одно из самых звучных имен в отечественной словесности. Под статью Сергею и его друг Захар Прилепин, бывший воин, сменивший меч на перо.

Похоже, в XXI веке Россия все-таки вспрянет ото сна и на обломках самовластья засветятся имена подлинных властителей дум — летописцев и романистов. Но лично у меня планы на этот век скромные, впрочем, пока я еще могу поскрипеть, да увлечь каких-нибудь славных шелкоперов-авторов и доставить себе удовольствие из самых изысканных. Тут Иосиф Бродский меня твердо наставил: не надо думать о читателе, надо думать только о себе и ничего не делать проще, чем оно есть...

Этим зимним номером я хотел, прежде всего, удивить себя и настроиться на бесповоротный уход в литературу. Как опять же заметил вышеупомянутый Дмитрий Львович, ничто, кроме литературы не дает такого стопроцентного забвения и не способствует выработке полезнейших душевных качеств. Внимательный читатель обнаружит: здесь уже мало что остается от самой журналистики. Я ее терпеть не могу и действительно считаю, что вторая древнейшая профессия сродни первой. Зато в журнале есть бизнес, который позволяет твердо стоять на земле, и... прости, господи, за нескромность, еще есть искусство и литература — небесный приют для мятущейся души...

Юрий Шевелев